

‘Хоругвь’ у славян и герм. *hrugga*

Хочу рассказать о одной из числа плановых работ 2020 г., в которой я подвел краткий итог своему интересу к одной из тем из области: культурная лексика и взаимовлияние языков применительно к русской лексикографии.

1. Разбирался вопрос о происхождении слова *хоругвь*, засвидетельствованном начиная со старославянского языка как хоржга, -гъве в смысле греч. σκῆπτρον (‘посох, жезл, скипетр’) и представленном во многих славянских языках, напр. польск. *chorągiew*, откуда, опосредованно происходит русск. ‘хорунжий’, ср. казачье «хорунка»; «бела хорюговь» известна в «Слове о полку Игореве».
2. Со времен научной разработки славянской лексики были высказаны различные идеи о происхождении этой по всей видимости заимствованной лексемы, в особенности германская и восточная (монгольская и алтайская).
3. Учитывая мощное влияние Византийской культуры на славянство и изучая влияние греческого языка на русский, я считал нужным начать с этого культурного круга, перебрал несколько возможностей, но источника лексемы не обнаружил.
4. Идея восточного происхождения слова «хоругвь» (*orongo, urungu*) имеет до сих пор немалое распространение (не в последнюю очередь в связи с авторитетом М. Фасмера); между тем она вызвала профессиональную критику со стороны крупнейших востоковедов – знатоков монгольских и алтайских языков (Н. Н. Поппе, Л. Лигети).
5. Что касается германской версии происхождения лексемы, то после работы над византийскими догадками и монголо-алтайской теорией, ее, по моему мнению, следует признать не только более правдоподобной, но и вероятной. Это суждение можно подкрепить лингвистическими, культурно-историческими и «реальными» обстоятельствами и соображениями.

(а) лингвистически: древнегерм. *hrugga* живет и поныне в германских языках (нем. *Runge*, англ. *rung*) в знач. палка, шесток, спица колеса и т. п.;

(б) культурно-исторически (другие – древние по заимствования);

(в) реально в перспективе известного направления *Wörter und Sachen*;

(г) семантически в плане типичных семантических переходов: сперва «шесток-жезл-значок»: древко с воинским значком (а со временем – и с христианскими символами на последнем), попало в церковный обиход и обрело кроме реального еще и обобщенно-символическое значение (ср. англ. *standard*).

Антиковедческая программа М.И. Ростовцева

1. Энциклопедическая *Altertumswissenschaft* подчеркивала роль всестороннего рассмотрения всех и всяческих свидетельств об античной цивилизации. Это значит, что

наряду с памятниками слова (литературными или документальными) следовало рассматривать свидетельства материальной жизни (артистические, бытовые, хозяйственные), реконструируя в век историзма и позитивизма цельную картину античности, притом (в отличие от более раннего классицизма) непременно в историческом развитии. Для профессионального разбора свидетельств существовала ученая критика, издавна разработанная в филологии. М. Р. начал заниматься античностью в пору, когда наука о древности прижилась в русских университетах, а образование через филологию получило решающую роль в средней школе ученого образца.

2. М.Р. — историк, исследовавший целые регионы и эпохи эллинистического и римского мира как в отношении событийной, так и социально-экономической истории. Его исследования подразумевают постоянное внимание к материальным памятникам древней хозяйственной жизни, которые М. Р. собирал и систематизировал, обследуя музеи, хранящие, по его выражению, «сокровищницу археологических фактов» всего средиземноморского мира. Он же обследовал и античное искусство, начиная с Северного Причерноморья, так что М. Р. — археолог и в современном, и в старинном смысле слова. В триединстве наук, образующих *Altertumswissenschaft*, филология должна, по меньшей мере, присутствовать, тем не менее, у того, кто читает М. Р., может создаться впечатление, что филология с ее вечными ссылками на тексты и их анализ у него неожиданным образом оказывается оттеснена на второй план.

3. Внешних признаков филологического подхода у М. Р. действительно меньше, чем документации, относящейся к истории событий или археологии. Между тем именно филологическую муштру *kat' ho s* получил отпрыск деятелей Министерства народного просвещения в старозаветной цитадели школьного классицизма — губернской Житомирской гимназии.

4. В Киевском университете М. Р. наряду с Ю.А. Кулаковским, слушает А. И. Сонни и И. Э. Лециуса, товарищей Ф. Ф. Зелинского по Русскому филологическому семинарию — одному из первых инструментов толстовской реформы (теперь стало понятно, как через РФС в Лейпциге образовалась тесная связь Зелинского с блистательным в ту пору Лейпцигским университетом). После перехода в Петербург, одним из авторитетных наставников М. Р. становится Зелинский, филолог с выходом к общим идеям и идеалам, что одухотворяло скептицизм, присущий старой гуманистической филологии.

5. Подобно Зелинскому, М. Р., создает для гимназий историко-филологический комментарий к «Галльской войне» Юлия Цезаря в гимназической серии С. Манштейна — Л. Георгиевского (Пг. 9 1916).

6. Когда речь идет об ученых второй половины XIX в., обучавшихся в лучших классических гимназиях того времени (*Gelehrtenschulen*), надо говорить не о “хорошей подготовке по древним языкам”, а о близком знакомстве с литературными образцами древности и о владении умственным инструментарием при анализе не «про нас» писанных, и уже поэтому более трудных текстов. Это не просто «гимнастика ума», а создание основы обдуманного отношения к иному, которое к тому же раскрывается постепенно как исторический источник современного.

7. Особенно привлекательны для М. Р. были две дисциплины, блистательно развивавшиеся на грани веков, где без триединства археологии, филологии и истории нельзя ступить ни шагу. Это была эпиграфика, по которой М. Р. не реже, чем по текстам, вел семинарские занятия в Петербургском университете и на Высших женских (Бестужевских) курсах. В занятиях по папирологии М. Р. иногда соединяясь с Г. Ф. Церетели, добился яркого успеха (папирусы Зенона). В отличие от исторических лекций, где он не скрывал своих политических пристрастий, на семинарских занятиях М. Р. приучал своих слушателей к щепетильному разбору первоисточников.

8. Относительно кажущегося дефицита внимания к литературным текстам выручает он сам, высказавшись (*Greece, Preface to the 1st ed.*) в том смысле, что без учета литературных произведений древних писать историю вообще невозможно, однако

выхваченные из цельных литературных произведений цитаты не дают подлинного представления об их смысле.

9. Кондаковский кружок с его «фактопоклонничеством» был полезен для М. Р. тем, что предупреждало его от некоторых крайностей Ф. Ф. Зелинского, которые уводили мастеровитого филолога в высокие, но с точки зрения научной строгости опасные сферы философствования, когда научный метод кровосмесительно соединяется с материалом, который не сопротивляется, а легко (и обманчиво) поддается.

10. Глубокая связь М. Р. с Зелинским отвела младшего от добровольного и почвеннически окрашенного самооскопления «фактопоклонников» — нечто, что в некоторой степени ограничивало и Жебелева, и Смирнова. М. Р. сочетал осмотрительность в выводах, готовность к сомнению, изредка признание своих прямых промахов с бодрой смелостью в познании. По-видимому, в этом пункте скрывается причина того, что и Зелинский, и М. Р. развернулись на Запад, чтобы показать там русское европейство.

Выводы. Триединство историко-филологического цикла с *philologia perennis* в подобающим ей начале с юности показывает редкое (у нас особенно) совпадение государственной заботы и счастливого ее применения; М. Р., если взглянуть, великолепный плод не очень счастливой в целом толстовской реформы в обстановке пустившего корни в России научного антиковедения, не говоря уже о подходящей натуре и характере. История была целью М. Р.; археология стала его увлечением; филология всегда оставалась надежным основанием.

Россия и сирийские мелькиты: церковные традиции и политические тенденции второй половины XIX в.

Первые попытки вовлечь сирийских православных в орбиту Римской церкви относятся к XIII в. Борьба про-римской и про-византийской партий продолжалась в XV и XVI вв., причем мелькиты (букв. «люди царя») старались не заключать открытую унию с Римом. Впервые Римский папа был помянут на мелькитской литургии в 1440 г., т.е. после Флорентийского собора. Следующая волна прозелитизма относится к XVI в., когда папа Григорий XIII предпринял активную политику в отношении восточных христиан. Тем временем восточные католики и униаты начали пользоваться поддержкой французских королей. XVII столетие было золотым веком для различных католических миссий на османской территории (иезуиты, капуцины, францисканцы, кармелиты). В 1724 г. был избран первый мелькитский униатский епископ, Кирилл Танас. С тех пор католические державы стали рассматривать Сирию как потенциально католическую страну, а православное население как греков-схизматиков.

С формированием восточного вопроса в начале XIX в. церковное противостояние окончательно перешло в политическую плоскость. В борьбе за сферы влияния в Османской империи каждая из конкурирующих великих держав опиралась на местное население соответствующей конфессии: Россия на православное, Франция на католическое, Великобритания на протестантское. Арабы-христиане, национальное самосознание которых к середине XIX в. находилось на начальном этапе подъема, умело пользовались выгодами того или иного покровительства. Особенно обострились противоречия после Крымской войны. Католики в Сирии начали проводить латинизацию униатов—требовать введения Григорианского календаря и литургии латинского обряда. Это встретило сопротивление со стороны мелькитов, часть из которых объявили о своем желании перейти в православие. Смутой воспользовалась русская дипломатия, которая поддержала оппозицию, однако при условии соединения мелькитов не с Русской церковью, а с Антиохийским православным патриархатом. Греческие патриархи не спешили с ответными действиями, да и арабы не были склонны торопиться войти обратно под власть греческих иерархов. Длившиеся несколько лет переговоры привели к тому, что лишь часть мелькитов во главе с двумя вождями Дамасской и Египетской партий согласились перейти в православие при условии сохранения языка богослужения и права избирать свое духовенство.

Осложняющим фактором выступила резня в Сирии 1860 г. Французская дипломатия воспользовалась событиями, чтобы вернуть в Бейрут изгнанного мелькитского униатского епископа Бахута и склонить на его сторону значительную часть населения. Следующим успехом французов было возвращение в унию новоиспеченного православного епископа Иоанникия Дамасского вместе с его паствой. В результате число обратившихся в православие мелькитов значительно сократилось, хотя они продолжали пользоваться поддержкой России до 1870-х годов.

В целом попытка обращения около 20.000 униатов в православие была для России мало удачной. Причины заключались в неблагоприятных условиях: русская церковная политика на Востоке была скована каноническим правом, запрещающим существование двух епископов в одном городе. Переходя в православие, мелькиты теряли выгоды французского политического покровительства и становились под власть нелюбимого ими греческого архиерея. Россия не могла предоставить мелькитам и денежной помощи в тех размерах, в которых они получали ее из Франции. После этого опыта русская дипломатия

вновь обратилась к борьбе за поставление арабов на архиерейские кафедры Сирии, что увенчалось окончательным успехом с избранием араба, Мелетия Думани, на Антиохийский патриарший престол в 1899 г.

От учения стоиков о языке к грамматической теории и учебникам Поздней античности

Второе столетие до н. э. была ознаменовано интереснейшей разработкой теории познания в рамках философии стоиков, где впервые было предложено достаточно детальное учение о языке. Последнее решительным образом повлияло на ученых-филологов, уже разработавших к тому времени определенную терминологию для описания языковых явлений. Определения частей речи, разработанные Диогеном Вавилонским и его учениками, отразились не только в историко-философском компендии Диогена Лаэртция, но и в древнейших папирусах, настоящих свидетелях школьной практики.

Наиболее ранний из этих папирусов, *P Yale I. 25*, происходящий, вероятно, из египетского Фаюма, хорошо показывает вместе с тем, как философское учение видоизменяется в дидактических целях, как, например, важнейшее онтологическое понятие стоиков *ποιότης* (*качество*), представлявшее, по их учению, не только единственно подлинное материальное сущее в его всегда индивидуальном воплощении и в динамических отношениях и действии, раскладывается на понятия «тела» (*σῶμα*) и «дела» (*πράγμα*). В представленной на обсуждение работе дано, в частности, и новое прочтение этого папируса.

Основная же задача работы состоит в показе дальнейшей эволюции принятых грамматиками идей и определений стоиков в условиях забвения былого общепhilosophического контекста, в котором они возникли, возрожденного интереса к аристотелизму, начиная с I в. до н. э., к составившей основу риторической теории классической софистике (особенно во II в. н. э.) и, наконец, нового философского учения неоплатоников (начиная с III в. н. э.). Так попутно удастся на основе вновь найденных данных подкрепить аргументацию ученых, по мнению которых прославленный учебник греческой грамматики, приписываемый автору начала I в. до н. э. Дионисию Фракийцу (к этому учебнику восходит и основная русская грамматическая терминология), мог быть составлен не раньше IV в. н. э.

Одновременно удастся лучше привязать определенные сдвиги и нововведения в богатейшей латинской грамматической традиции к тому, что происходило в греческой культуре, а во взаимном сопоставлении греческого и латинского материала представить более надежные критерии периодизации той и другой традиции, а подчас и вскрыть особую роль отдельных образовательных центров греко-римского мира, как и отдельных авторов. Все это должно послужить лучшей оценке и того богатейшего лексического материала, который мы находим, в особенности, у латинских авторов.

Реформация в Европе (1521 – 1660 гг.): принцип систематизации её основных течений.

1. При рассмотрении хода событий в *некоторых* странах, охваченных Реформацией, бросается в глаза сосредоточенность участников этого процесса на реформировании какой-то *одной* стороны церковной жизни. Так, для лютеранской части Германии 1530 – 1580 гг. характерны дискуссии по вопросам *догматики* и, следовательно, вокруг содержания проповедей. Для кантонов Швейцарии, охваченных реформой Цвингли, в 1522 – 1549 гг. характерны конфликты вокруг проблем *литургики*, с которыми была тесно связана аскеза (соблюдение постов). Для Англии 1533 – 1660 гг. – конфликты вокруг должного *церковного устройства*. Однако всюду, где реформа церкви осуществлялась по замыслам Мартина Буцера – Жана Кальвина, преобразованию подвергались *все три* стороны. Такие преобразования подчинены были комплексной задаче «нового *дисциплинирования*» прихожан в духе кальвинизма.
2. Кальвинистскому «ядру» Реформации противостояли разнообразные *периферийные* варианты, представленные такими деятелями, как Лютер, Цвингли, Томас Кранмер. Реформирование *церковного устройства* состояло в постепенном упрощении иерархической системы, начиная с отказа от признания примата Папы Римского, продолжая упразднением монархического епископата, и наконец заменой пресвитерианства на россыпь конгрегаций, не зависящих ни от какого центра. Реформирование *литургической системы* было связано с упрощением системы таинств: церкви «умеренные» сохранили Крещение и Причащение, течения радикальной Реформации отказались от таинств как таковых. Однако при сравнении составленных в ходе Реформации *догматических систем* оказывается, что не все они могут быть расположены на одномерной шкале соответственно степени своего дистанцирования от римско-католической догматики. Догматика Англиканской церкви признаёт единственно правильным епископальное устройство и в этом аспекте ближе к римскому католицизму, чем лютеранская, зато понимание причастия в ней совпадает с кальвинистским.
3. Для характеристики изучаемой разновидности Реформации *первым* шагом должно быть выявление *приоритета* реформирования: либо возникшее религиозное сообщество – результат комплексной реформы (что в громадном большинстве случаев означает – кальвинистской), либо догматической, либо литургической, либо канонической. Второй шаг – определение места рассматриваемой разновидности Реформации среди прочих догматических, прочих литургических и т.д.
4. Такой подход делает возможным пересмотр ряда традиционных, но несостоятельных представлений о Реформации. Напр., Реформация в Скандинавии считается Лютеранской, тогда как на самом деле её приоритетом было формирование национальных церквей, и по большинству параметров она была однотипна Реформации в Англии. Основателем кальвинизма считается Жан Кальвин, тогда как на самом деле он был лишь талантливым продолжателем дела, начатого Мартином Буцером. Корректировка представлений о Реформации позволит точнее охарактеризовать реформационные влияния и явления, имевшие и имеющие место в России.

«Темная ночь» исторической политики

"Историческая политика" стала одним из рычагов манипулирования массовым сознанием. История Второй мировой войны, ее образы, существующие в массовом сознании, явились фактором, который активно воздействует на сегодняшнюю общественную жизнь в Восточной и Западной Европе, на их внутреннюю и внешнюю политику. Почти в каждом из многочисленных и противоречивых образов прошлого, порождённых национальной памятью о войне, можно увидеть и стремления людей, в том числе и политических лидеров, так или иначе оправдать собственный народ или вынести на первый план такой фрагмент исторической истины, который в более выгодном свете показывает своих соотечественников и менее заметен и важен для соседей. Различие исторических оценок — это реальность, которую бессмысленно затушёвывать. Увы, ее сюжеты, безусловно относящиеся к «сложным вопросам истории», до сих пор не отрефлексированы, не «выговорены» и оттого во много полны фобий и мифов. Самый простой из них – отторжение как фактологии, так и историографии советского периода, и априорное отрицание любых нейтральных (не говоря уже о позитивных) его моментах. Кстати, методологически его конструирование носит классический советский характер: в массовое сознание привносится хорошо отретушированная, «идеологически правильная» версия событий. Об этой проблематике и пойдет речь в сообщении. Проблема «исторической политики» и ее влияние на восприятие истории, формирование историко-идеологических стереотипов является сквозной во всех исследованиях автора сообщения прошедшего года – от монографии «Прибалтика. 1939-1945. Война и память» до статей в журналах ВАК и WoS, иных научных публикациях, а также выставках этого года, где автор выступила куратором. Концентрированное же выражение эта тема нашла в обзорной статье, подготовленной для российско-германского форума в Минске. Ниже – ключевые тезисы, каждый из которых будет раскрыт в выступлении на сессии.

1. Сложные вопросы истории в актуальной политике (Декларация Европарламента о пакте Молотова – Риббентропа), заявление на сайте МИД Латвии о «храбрых воинах СС» и др. как фактор политического давления.

2. Музейная картина мира: Музеи оккупации на постсоветском пространстве как инструмент формирования исторического сознания.

3. Война памятников – уничтожение памятников периода советского времени и возведение монументов «героям борьбы за независимость» - ландшафтная визуализация смены историко-идеологических акцентов.

4. Манипуляция фактами в просветительских проектах - украинский портал «1939. Никогда больше», отказ установить мемориальную доску в память о гарнизоне Брестской крепости, защищавшей ее в 1939г. и др.

5. Цензура - сюжет с песней «Темная ночь», запрещенной в музее Второй мировой войны в Гданьске (отсюда и название доклада), изъятие книги Р.Ванагайте, занимающейся темой соучастия литовцев в Хлокосте и др.

В историческом знании всегда существуют лакуны, это нормально. История не может быть написана «раз и навсегда»: иначе она превращается в идеологию. А модные нынче заявления о том, что «не надо переписывать историю» имеют отчетливый политический подтекст: под «переписыванием» видится вскрытие «неудобных» фактов и документов.

Историю невозможно переписать. Ее можно дописать, выявив новые документы и свидетельства происходившего, или исказить, умалчивая «неудобное», не «укладывающееся» в политический дискурс... И в этом отношении важны совместные проекты историков и музейщиков разных стран: они дают возможность открыто и деполитизированно сопоставить точки зрения, проанализировать документы. Что вовсе не обязательно означает нахождение общей точки зрения, но открывает перспективу избавиться от политизированного контекста и, возможно - от неизжитых ментальных стереотипов. А это уже немало.

Дипломатическая миссия Королевства обеих Сицилий в Санкт-Петербурге и пушкинское окружение

Списки персонального состава дипломатического корпуса, т.е. всей совокупности дипломатов, аккредитованных при Российском императорском дворе, – важная категория документов, хранящихся в фонде Экспедиции церемониальных дел Министерства императорского двора в РГИА. Они рассылались членам императорской фамилии, высшим сановникам и главам всех дипломатических миссий и использовались для приглашений на придворные и религиозные церемонии. Работа по подготовке комментированных публикаций таких списков связана с изучением служебных и личных биографий дипломатов. Перед исследователем предстает череда личностей и судеб людей, представляющих в России интересы своих государств.

Список 1837 г. особо интересен тем, что был составлен 21 января, за неделю до гибели А.С.Пушкина. Известно, что поэт со многими из них был знаком лично.

На момент составления списка три державы были представлены послами, 9 государств – посланниками и 2 – поверенными в делах. Миссию Королевства обеих Сицилий возглавлял Георг Вильдинг, князь Бутера и Радали (1790-1841). Его биографии посвящена статья, переданная для публикации в Материалы VII Беляевских чтений, которые в дни памяти А.С.Пушкина проводит Пушкинский музей (Мойка, 12).

Неаполитанский дипломат германского происхождения, сын ганноверского офицера, служивший в Королевском германском легионе британской армии, Георг Вильдинг по долгу службы оказался на Сицилии, где волею случая познакомился с Катариной Бранчифорте, княгиней Бутера (1768-1831), стал ее мужем, перешел на придворную службу к королю Неаполя и со временем получил право на княжеский титул. Назначенный посланником Королевства обеих Сицилий князь Бутера 11 ноября 1835 г. вручил российскому императору верительные грамоты, а через два дня вдовый князь женился на русской аристократке, дважды вдове, Варваре Петровне, урожденной княжне Шаховской, в замужествах – княгине Шуваловой и графине Полье, богатой наследнице строгановских владений на Урале и мызы Парголово под Петербургом. Резиденция посланника находилась в д. 10 по Английской набережной, которую приобрела княгиня Бутера. Роскошь обстановки особняка описана в мемуарах американского дипломата Дж.М.Далласа и фрейлины М.К.Мердер, присутствовавшей на одном из приемов посланника, куда также приглашались А.С.Пушкин с женой и д'Антес.

О знакомстве с Варварой Петровной Пушкин писал еще своей невесте. Княгиню Бутера причисляли к «женской партии» сочувствовавших д'Антесу. В литературе встречаются упоминания, что князь и княгиня Бутера были свидетелями на свадьбе д'Антеса и Е.Н.Пушкиной, по-видимому, восходящие к известному донесению барона Геккерна. Однако публикация «брачных записей» опровергает эти утверждения. Неаполитанский посланник присутствовал на отпевании Пушкина и в своем пространном донесении о дуэли отозвался о нем как о «лучшем поэте России».

Варвара Павловна надолго пережила своего мужа, покинувшего пост в 1841 г. и в том же году скончавшегося, и позаботилась об установке ему беломраморного надгробия на кладбище в центре Ганновера. Унаследованную от третьего мужа виллу Оливуцца в окрестностях Палермо она в 1845-1846 гг. предоставляла российским императору и императрице, приезжавшим в Италию для поправки здоровья. Сыновья от ее первого брака похоронили ее в Висбадене, куда был также перенесен прах графа Полье. Однако его усыпальница и построенная рядом с ней церковь в Парголово сохраняются поныне, как сохраняется резиденция посланника на Английской набережной и дворец княгини Бутера в Палермо.

**Католическая церковь и колониальная политика Испании в Перу
в последней трети XVII в. в документе из коллекции Архива СПбИИ РАН**

Один из документов коллекции папской нунциатуры в Испании, хранящейся в архиве СПбИИ РАН, содержит ценные сведения о попытках влияния католической иерархии на колониальную политику пиренейского государства в Новом Свете. Анонимное донесение от 3 сентября 1674 г., направленное к сведению кардинала-префекта Конгрегации Пропаганды Веры Палуццо Палуцци Альтьери дельи Альбертоне, раскрывало нарушения буллы Павла III *Sublimus Dei* (1537) в вице-королевстве Перу. Папский запрет обращать аборигенов в рабство нарушался под разнообразными предлогами. Результатом нарушений, по мнению информатора, является массовое отпадение индейцев от католической веры. Автор считает положение дел серьёзным и требует решительных действий со стороны папского престола. Содержащийся в документе призыв воздействовать на короля Испании с целью исправления ситуации можно считать риторическим. В условиях упадка династии Габсбургов, особенно заметного в период малолетства Карла II, чья недееспособность обострила борьбу придворных партий за регентство, колониальные проблемы не могли привлечь внимания властей метрополии. Можно, однако, предположить, что реляция некоторым образом повлияла на составление буллы Бенедикта XIV *Immensa pastorum* (1741), посвящённой той же проблеме, разрешение которой не представлялось возможной.

Учитывая тот факт, что коллекция изучена далеко не полностью, дальнейшие находки документов из испанских колоний в Южной Америке могут считаться очень вероятными.

О подготовке книги, посвящённой В.Н.Бенешевичу

Среди различных аспектов моей деятельности в уходящем году (см. отчет за 2020) основное внимание мною было уделено подготовке и доведению до кондиции издания книги " Судьба ученого. В.Н.Бенешевич", которая к концу года (как заявлено московским издательством Языки славянской культуры) должна появиться (а может быть, уже появилась) в серии " Монфоконов". И хотя книга обозначена как сборник статей (имеется в виду уже опубликованных ранее в разных изданиях), мне, как автору, пришлось немало потрудиться, чтобы в книге четко обозначилась единая сюжетная линия, чтобы собрание разных аспектов исследовательского труда выдающегося ученого под одну обложку не превратилось в мою собственную прихоть. Надеюсь, мне это удалось, и некое внутреннее органическое единство придало сборнику дополнительную композиционную стройность и стало фактически гарантом адекватности книги как своеобразного монографического исследования, посвященного как прославленным, так и малоизвестным страницам творческого наследия выдающегося русского ученого, но в то же время - трагическим обстоятельствам его жизненного пути. По мнению главного редактора серии " Монфоконов", в шестом номере которого выходит книга (Б.Л.Фонкича), труд, посвященный Владимиру Николаевичу Бенешевичу, " просто обречен на успех" (письмо от 30 ноября 2020 г.). Хотелось бы надеяться.

Из истории католической конфессионализации в Германии: Фульдское дело 1576 – 1602 гг.

Импульсом для исследования послужило подлинное письмо императора Священной Римской империи Рудольфа II от 27 июня 1577 г. из архива СПбИИ РАН (ЗЕС, колл. 24, cart. 404. n. 11), которое содержит приказ представителям капитула имперского аббатства Фульды явиться ко двору для судебного разбирательства конфликта между капитулом и аббатом Фульды.

Фульдское дело является характерным и выразительным эпизодом из послереформационного периода истории Германии, который в современной немецкой историографии принято называть «эпохой конфессионализации». Ее содержанием были процессы «духовного и организационного оформления размежевавшихся вследствие религиозного раскола христианских вероисповеданий в отношении их церковного устройства, догматики и религиозно-нравственных норм жизни» (E.W. Zeeden). Конфессионализация означала также разделение имперских территорий по вероисповедному принципу на лютеранские, реформатские, католические и накладывала отпечаток на все стороны жизни общества: религиозную, политическую, культурную, бытовую.

В данном случае мы имеем дело с католической конфессионализацией, которую по предложению историка церкви Хуберта Йедина принято называть «католическая реформа и контрреформация», понятием, означающим как реформу церкви в смысле ее обновления, так и противостояние протестантизму. Импульс для начала католической конфессионализации дали постановления Тридентского собора (1546–1563).

Аббат Бальтазар Фульдский был одним из первых духовных князей империи, энергично начавших католическую реформу (1573 г.). Несколько раньше церковные преобразования инициировал архиепископ Трирский Якоб Эльц (1569), а затем - архиепископ Даниэль Майнцский (1574). Но это были крупнейшие духовные князья империи, курфюрсты, обладавшие потенциалом, несравненным с возможностями государя сравнительно небольшого аббатства. В этом смысле аббат Фульды был уникальной фигурой: воодушевленный идеями обновления церкви, он решился на конфессиональные реформы, которые неизбежно содержали элементы принуждения, при этом он не имел больших ресурсов территориальной власти.

В результате аббат Бальтазар был свергнут. Конфликт, приведший к свержению территориального государя, был не однолинейно конфессиональным: только между католиками и протестантами. Силы, участвовавшие в заговоре против аббата, были разнохарактерными и имели разные приоритеты.

Однозначные конфессиональные противоречия можно увидеть только между лютеранами (рыцарями и горожанами Фульды) и аббатом Бальтазаром, принуждавшим лютеран к рекатолизации насильственными способами под угрозой потери значительной части имущественных и политических прав вплоть до изгнания из княжества. Члены капитула - соправители аббатства, игравшие в заговоре важную роль, были католиками и не помышляли переходить в новую веру. Но преобразования аббата, лишавшие их привычного образа жизни в своих поместьях с конкубинами с перспективой вернуться к монашеской жизни в монастыре, были для них таким же потрясением, как и принудительная рекатолизация для лютеран.

Еще в меньшей степени конфессиональным можно назвать конфликт между аббатом Фульды и принимавшим активное участие в заговоре епископом Юлием Вюрцбургским. Речь

идет о двух духовных князьях империи, одинаково преданных целям реформы римской церкви, имевших одного рода конфессиональные идеалы и церковно-политические цели. Это, однако, не останавливало епископа Вюрцбургского перед искушением расширить территорию своего духовного княжества за счет фульдских земель, используя неблагоприятные средства, вплоть до соглашения с «еретиками». Очевидно, что стремление к расширению подвластной территории отодвигало конфессиональные проблемы на второй план. Исследователи отмечают, что интересы государственной власти сохраняли для территориальных князей свое приоритетное значение и в конфессиональную эпоху (W. Schulze и др.). Политической целесообразностью отмечена и политика императора в отношении Фульдского дела, что также повлияло на затягивание конфликта.

Исследование подлинного документа из собрания НИА СПбИИ РАН позволяет увидеть реальный эпизод из истории католической конфессионализации в Германии во всей его противоречивости, смещении конфессиональных фронтов и разновекторности действий участников.

О роли лунного календаря при сборе бобов в трактате Колумеллы «О сельском хозяйстве»

Вопреки монументальному изданию сельскохозяйственного трактата Колумеллы В. Лундстремом и Ст. Хедбергом (Упсала; Гетеборг, 1896-1968), последнее критическое издание Р. Роджерса (Оксфорд, 2010) вносит сотни поправок в текст, сохранившийся в рукописной традиции, причем рецензенты Роджерса находят его решительность обоснованной.

Мое внимание привлек пассаж, который связан с ролью лунного календаря и содержит не замеченную ранее трудность.

Для защиты урожая бобов от хлебного червя Колумелла (II, 10, 12) советует собирать их «в новолуние до зари (*silente luna ... ante lucem*)», а затем, когда они просушатся на току, – немедленно вымолотить их, охладить и снести в амбар, “пока луна не прирастет (*priusquam luna incrementum capiat*)”. Между тем луна начнет прирастать сразу же после новолуния, так что для всех этих операций попросту не останется времени. Можно было бы понимать под *incrementum* большой (заметный) прирост, однако просушка бобовых на току занимает не меньше четырех-пяти дней, и за это время луна не просто прирастет, а дорастет почти до половины диска.

Я предлагаю исключить из текста слова *priusquam luna incrementum capiat* как пояснительную глоссу к *silente luna ... ante lucem*. Переписчик ошибочно отнес их к слову *confestim* («немедленно») и включил в текст. Поэтому нынешняя версия текста требует собрать урожай «в новолуние до зари», а высушить и обработать его – «до прироста луны».

Схожий случай вторжения в текст Колумеллы пояснительной глоссы несомненно засвидетельствован в пассаже VII, 3, 24, где издатели единодушно принимают предложенное в 1984 г. А. Хайном удаление слов *sidus aestatis* («светило лета») как глоссы к слову *Caniculae*.

Палладий, автор IV-V вв. до н.э., пересказывая этот пассаж Колумеллы в своем компилятивном сочинении (VII, 3, 2), сохранил указание на прирост луны (*antequam luna procedat*), но заменил дату сбора урожая с *silente luna* на *luna minuente* («при убывающей луне»). Очевидно, он имел дело с уже глоссированным пассажем Колумеллы, но заметил хронологическую несообразность и перенес день для сбора урожая в фазу убывающей луны, чтобы увеличить промежуток времени, необходимый для просушки бобов на току и последующих операций “перед тем, как луна прирастет”.

Разбираемый случай любопытен для истории латинской палеографии: это редкий пример того, что пояснительные глоссы могли попадать в текст памятника не в каролингских рукописях, а еще в поздней античности.

Испанские конкистадоры: люди Ренессанса или продолжатели Реконкисты?

Непосредственным толчком для осуществления этого исследования стала грядущая 500-летняя годовщина падения столицы государства ацтеков Теночтитлана в августе 1521 под ударами объединенного войска испанских конкистадоров и их индейских союзников под предводительством Эрнандо Кортеса и установления в Мексике испанского господства на три последующих столетия, продлившегося три века. События, приведшие к такому исходу настолько неординарны и драматичны, что заставляют вновь вернуться к вопросу, что за люди прибыли в Новый Свет в начале XVI века? Как они воспринимали окружающий незнакомый мир? Каковы были их убеждения и ценности?

Цель проводимого исследования состояла в том, чтобы, проанализировать на основе письменных источников, созданных самими конкистадорами, основные элементы их духовного мира, определявшие их восприятие новых реалий и поведенческую реакцию на эти реалии в контексте духовных феноменов, характерных для средневековой Европы XII-XV вв., в первую очередь средиземноморской.

В ходе проведенного исследования были сделаны следующие выводы. Письменные свидетельства, оставленные самими конкистадорами, не позволяет отнести первооткрывателей и завоевателей Нового Света к людям Ренессанса, как это часто постулируется в отечественной науке. В первую очередь, конкистадоры рассматривали свои кампании как крестовые походы против неверных, причем завоеванные земли считались своего рода продолжением враждебного мусульманского мира. Их искренняя религиозность также носила открыто средневековый характер. Человек мыслился орудием Бога, а поле боя — неизменно местом столкновения между небесными силами и воинством Сатаны. Человек в глазах конкистадоров, по-прежнему, воспринимался как игрушка судьбы, о чем свидетельствует обращение Э. Кортеса к астрологии в критический момент. В правовом аспекте конкистадоры также мыслили нормами второй половины XIII в, когда хотели юридически обосновать свои действия. Их целью было построение христианского города верных королю вассалов для служения ему путем покорения варварских земель. Можно сказать, что конкистадоры «импортировали» свой средневековый мир в Новый Свет.